

УДК 82.02:821.161.1:821.161.3–31«19»

СУБЪЕКТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ТИПОЛОГИЯ ГЕРОЕВ В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ МОДЕРНИСТСКОЙ ПОВЕСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Е. В. КРИКЛИВЕЦ¹⁾

¹⁾Витебский государственный университет им. П. М. Машерова,
пр. Московский, 33, 210038, г. Витебск, Беларусь

Раскрываются способы субъектной организации и типология героев в русской и белорусской модернистской повести второй половины XX в. Сравнительный ракурс исследования позволил выявить общие закономерности и национальную специфику художественной репрезентации характеров русскими и белорусскими писателями. Определены и систематизированы типы героев, представленные в русской и белорусской модернистской повести второй половины XX в. Описаны основные способы детерминации сознания и поведения персонажей.

Ключевые слова: русская литература; белорусская литература; сравнительно-типологический анализ; модернизм; типология героев; повесть.

СУБ'ЄКТНАЯ АРГАНІЗАЦЫЯ І ТЫПАЛОГІЯ ГЕРОЯЎ У РУСКАЙ І БЕЛАРУСКАЙ МАДЭРНІСЦКАЙ АПОВЕСЦІ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XX ст.

А. У. КРЫКЛІВЕЦ^{1*}

^{1*}Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава,
пр. Маскоўскі, 33, 210038, г. Віцебск, Беларусь

Раскрыты спосабы суб'ектнай арганізацыі і тыпалогія герояў у рускай і беларускай мадэрністскай аповесці другой паловы XX ст. Параўнальны ракурс даследавання дазволіў выявіць агульныя заканамернасці і нацыянальную спецыфіку мастацкай рэпрэзентацыі характараў рускімі і беларускімі пісьменнікамі. Вызначаны і сістэматызаваны тыпы герояў, прадстаўлены ў рускай і беларускай мадэрністскай аповесці другой паловы XX ст. Апісаны асноўныя спосабы дэтэрмінацыі свядомасці і паводзін персанажаў.

Ключавыя словы: руская літаратура; беларуская літаратура; параўнальна-тыпалагічны аналіз; мадэрнізм; тыпалогія герояў; аповесць.

Образец цитирования:

Крикливец ЕВ. Субъектная организация и типология героев в русской и белорусской модернистской повести второй половины XX в. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2018;3:20–25.

For citation:

Kriklivets EV. The subject organization and the typology of heroes in the Russian and Belarusian modernist novel in the second half of the XX century. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2018;3:20–25. Russian.

Автор:

Елена Владимировна Крикливец – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы филологического факультета.

Author:

Elena V. Kriklivets, PhD (philology), docent; associate professor at the department of literature, faculty of philology. kriklivec@mail.ru

THE SUBJECT ORGANIZATION AND THE TYPOLOGY OF HEROES IN THE RUSSIAN AND BELARUSIAN MODERNIST NOVEL IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

E. V. KRIKLIVETS^a

^a*Viciebsk State University named after P. M. Masherov, 33 Maskoŭski Avenue, Viciebsk 210038, Belarus*

Purpose of the article is reveal the ways of subject organization and the typology of heroes in the Russian and Belarusian modernist novel in the second half of the XX century. Comparative view of the study revealed general patterns and national specifics of the artistic representation of characters by Russian and Belarusian writers. In the article, the types of heroes represented in the Russian and Belarusian modernist novel in the second half of the XX century are defined and systematized; the main ways of determining the consciousness and behavior of characters are described.

Key words: Russian literature; Belarusian literature; comparative analysis; modernism; typology of heroes; novel.

Введение

В русской и белорусской неклассической прозе второй половины XX в. была предпринята попытка взглянуть на события недавней истории не через призму идеологической ангажированности, а с позиций осмысления индивидуальной человеческой судьбы в контексте этих событий. Писатели, используя эстетические приемы модернизма (и постмодернизма), детерминируют сознание героя социальными и бытовыми реалиями, характеризуют его как порождение эпохи. Необходимость избавиться от инерции соцреалистического письма, воплотить новую концепцию личности (вместо *человека советского* в литературе проявляется *человек экзистенциальный*) приводит авторов к осозанным поискам и апробации таких жанровых форм, которые позволили бы изменить сами принципы художественного миромоделирования и вывели бы прозу на новый эстетический уровень. При этом в прозе указанного периода формируется особая типология героев, обусловленная задачами новой литературы.

Цель настоящей работы – раскрыть способы субъектной организации и типологию героев в русской и белорусской модернистской повести второй половины XX в. Сравнительный ракурс исследования позволяет выявить общие закономерности и национальную специфику художественной репрезентации характеров русскими и белорусскими писателями. Методологическую базу данной статьи составили труды отечественных и зарубежных литературоведов в области сравнительно-типологического изучения литературных явлений. Кроме того, мы опирались на работы Н. Л. Лейдермана, М. Н. Липовецкого, Г. Л. Нефагиной, Л. Д. Синьковой (Корень), В. А. Максимовича, А. И. Бельского [1–6], которые освещали тенденции развития русской и белорусской прозы второй половины XX в.

Задачи исследования: выявить способы субъектной организации русской и белорусской модернистской повести второй половины XX в.; определить и систематизировать типы героев, представленные в русской и белорусской модернистской повести второй половины XX в.; описать основные способы детерминации характеров.

В работе использован сравнительно-типологический метод исследования, позволивший выявить авторские модели мира, универсалии, конституирующие общность двух славянских литератур, определить константы национально-культурной парадигмы в прозе писателей, расширить представление о реальной картине русско-белорусских взаимосвязей. Эмпирическим материалом исследования выступили повести русских и белорусских прозаиков, написанные в последние десятилетия XX в.

Результаты и их обсуждение

Жанровая динамика эпических форм во второй половине XX в. обусловлена как литературными, так и внелитературными факторами. Повесть – один из ключевых жанров, оказавшихся изоморфным эстетическим потребностям эпохи благодаря мобильности своих когнитивных и коммуникативных возможностей (без разрушения канонической структуры). Изучение жанровой модификации повести позволяет проследить преемственность литературной традиции, процесс зарождения и формирования новых эстетических методов и приемов на основе накопленного художественного опыта.

Строение и внутренняя организация целостной жанровой системы повести включает в себя семантическую (жанровое содержание, субъектная организация, типология героев, пространственно-временная организация) и морфологическую (коммуникативная стратегия, сюжетно-композиционная организация, речевая организация) составляющие.

На **семантическом уровне** повесть реализуется как эпический жанр, для которого характерен индуктивный способ постижения действительности. Определенный аспект отношений человека и мира становится в повести метонимией социального или нравственного мироустройства эпохи. Этим объясняется особое соотношение субъективного и объективного начал данного жанра. Хронотоп повести достаточно условно интегрирует время и локализует место действия, поскольку определенный локус и временной промежуток воплощают особенности социально-исторической эпохи и ее хронотопа.

На **морфологическом уровне** коммуникативная задача повести состоит в том, чтобы в бытовом увидеть бытийное, осмыслить социальные процессы, избегая избыточной социальной заостренности, усилить аксиологическое звучание произведения путем сублимации психологического анализа одного или нескольких характеров, транслировать концепцию личности и ценностные ориентиры эпохи. Этой задаче подчинена сюжетная организация повести, представляющая собой, как правило, открытый и персонифицированный конфликт при наличии доминантной коллизии, которой обусловлена последовательность событий и тип сюжета. Взаимовлияние художественного метода и индивидуально-авторских эстетических поисков определяет стилистические особенности повести.

Функционирование русской и белорусской повести в стилевом поле модернизма второй половины XX в. обусловило актуальность таких ее жанровых разновидностей, как **социально-психологическая повесть** (осваивает фантастические, гротескные, неомифологические способы художественного миромоделирования), **повесть-антиутопия** (в зависимости от содержательной доминанты – политическая, идеологическая, социально-психологическая, технократическая и семейная); **повесть-притча** (инварианты – притча, публицистическая проповедь, парабола; бел. *прытавесць*).

Сопоставляя способы субъектной организации **социально-психологической повести** в контексте реалистического метода и в модернистской парадигме, можно прийти к выводу о том, что и русские, и белорусские прозаики стремятся найти баланс между объективным и субъективным, через иносказание выявить ключевые тенденции эпохи. Этой задаче подчинены и способы субъектной организации социально-психологической повести в неклассической парадигме художественности. Профессор В. А. Максимович отмечал: «Уласна асобасны пачатак (*ego*-самасць творцы), аб'ектыўна захоўваючы сваю аўтаномнасць і першаснасць, на этапе ўключанасці ў сістэму грамадскай камунікацыі ўдала праецыруецца на “матрыцу” эпохі і набывае як бы дваіны модус свайго функцыянавання. Гэта асабліва заўважна ў фазе рэцэптыўнага зліцця аб'ектыўнага і суб'ектыўнага, асобнага і агульнага, унутранага і знешняга» [4, с. 257].

В анализируемой жанровой разновидности повести происходит последовательная замена автобиографического диететического нарратора автодиететическим нарратором (В. Маканин «Голоса»). Наблюдается увеличение пространственно-временной дистанции между повествующим и повествуемым Я (В. Катаев «Алмазный мой венец», «Трава забвения»), достигаемое посредством ретроспекции и их помещения в разные временные планы (М. Кураев «Ночной дозор»). Наличие в социально-психологической повести двух временных планов (прошлое и настоящее) приводит к смене внешней и внутренней фокализации, когда герой-рассказчик выступает в двух ипостасях: то как субъект повествования, то как его объект (В. Маканин «Голоса», «Река с быстрым течением»).

Можно предположить, что в социально-психологических повестях русских и белорусских писателей происходит своего рода трансформация литературного типа *маленького человека*. Теперь он – *песчинка истории*, и его судьба редко зависит от него самого. Однако, в отличие от реалистической прозы, человек в неклассической эстетике исследуется в общегуманистическом (а не в социальном) ракурсе. Общественная жизнь порождает абсурдное, фантазмагорическое сплетение обстоятельств его судьбы, становится «декорациями», в которых человек существует. Герой такого типа воплощен в повестях М. Палей «Евгеша и Аннушка», М. Кураева «Капитан Дикштейн», Г. Головина «День рождения покойника» и др.

Иной тип сознания, иная ипостась советского *маленького человека* представлены в повести В. Маканина «Антилидер». Слесарь-сантехник Толик Куренков вполне доволен своей жизнью. В состоянии неуправляемого бунтарства этого в общем смиренного и послушного человека приводит появление на горизонте личности, хотя бы немного выбивающейся из представления о *таком, как все*. В Толике просыпается чувство социальной несправедливости, которое находит единственный выход – драку. Это ощущение несправедливости отнюдь не связано с тем, что *любимец судьбы*, на которого направлен гнев Толика, не достоин *свалившихся* на него благ. Бунт Куренкова имеет иррациональный характер. Появление *не такого, как все*, нарушает окружающую гармонию, противоречит заведенному порядку. Этот порядок Толик и стремится восстановить. Думается, бунт Куренкова равно далек и от донкихотства, и от «барачного» сознания. Скорее, в нем видится (пусть и извращенная) попытка постижения себя и *Другого* в усредненном мире, попытка проникнуть за границы коллективного бессознательного.

Выявление генезиса подобного типа сознания наблюдается в повестях В. Маканина 1970-х гг. «На первом дыхании», «Безотцовщина», «Валечка Чекина», «Старые книги», «Погоня».

Особая разновидность *человека советского* охарактеризована В. Маканиным в повести «Человек свиты». Собственно, само название произведения содержит определение героя этого типа. Цель его жизни и главное достижение – находиться в свите. *Человек свиты* способен отказаться от личной свободы (а значит, и от ответственности за свое будущее), так как не готов к ней и не может с ней справиться. В контексте этих размышлений писателя уже не кажется случайным, что не только *люди свиты*, но и либералы-шестидесятники (повесть «Один и одна») не выдерживают груза личной свободы, обернувшейся бременем одиночества.

Советская эпоха породила еще один особый тип сознания – сознание идеального исполнителя. *Герой-исполнитель* – продукт своего времени, который желает ему соответствовать и потому ревностно выполняет свою работу, не задумываясь о сущности и последствиях собственных действий. *Герой-исполнитель* – оборотная сторона *маленького человека*. Он не хочет слиться с толпой, считает себя выше и значительнее тех, кто страдает от его исполнительности. Однако для системы он один из винтиков, на которых держится механизм (А. Рыбаков «Не успеть», М. Кураев «Ночной дозор» и др.).

Проза перестроечного и постперестроечного периода осваивает ранее табуированные темы. В фокусе писательского изображения оказываются самые негативные стороны жизни, объектом художественного исследования становятся представители *социального дна*. Жанровое своеобразие повестей, тяготеющих к так называемому «натуральному течению», сопоставимо со спецификой физиологического очерка конца XIX – начала XX в. с его детальным вниманием к низменным проявлениям и незамаскированным изображениям «черных» сторон действительности. Судьбы *бывших людей* находят воплощение в повестях Л. Габышева «Одлян, или Воздух свободы», С. Каледина «Смирненное кладбище», В. Мудрова «Гісторыя аднаго злачынства».

Связь с историческим прошлым своего народа как путь выхода из ситуации *социального дна* к осознанной и созидательной жизни рассматривает белорусский прозаик А. Федоренко в повести «Вёска». Своеобразное переосмысление проблемы *бывших людей* происходит в его повести «Нічыя». *Человек, лишенный национальной идентичности*, – так представляет прозаик собирательный образ белоруса. Несомненно, эта характеристика обусловлена объективными социально-политическими причинами. Однако А. Федоренко намекает, что недостаточно обрести свободу и независимость: впереди еще долгий и нелегкий путь национального самопознания и обретения чувства национальной гордости и достоинства.

Размышляя о стремлении большей части постсоветского общества набить свой желудок и реализовать иные физиологические потребности, Ю. Станкевич в повести «Прузі» рисует аллегорический образ саранчи, пожирающей все на своем пути, созданной лишь для того, чтобы работать челюстями. Повесть Ю. Станкевича «Эрыніі» можно воспринимать как текст-предупреждение: в ней ведется речь о появлении нового типа человека – *гома фестывус*, порожденного обществом потребления и медиа. Это инфантильное существо, не способное работать, стремящееся исключительно к «кайфу» и развлечениям. Безусловно, в названных повестях Ю. Станкевича на первый план выходят проблемы духовной деградации, дегуманизации общества, отсутствия моральных ценностей и идеалов.

Подобного рода интерпретация образа *маленького человека* позволила писателям выявить жестокость и абсурдность мира на стыке личных биографий и исторического пути государства.

Художественное осмысление тоталитарного прошлого и настоящего советского общества нуждалось в изоморфной жанровой форме. Таковой оказалась **повесть-антиутопия**, отразившая социальный эксперимент в аллегорическом ключе.

Антиутопия отличается своими вполне определенными способами субъектной организации: повествователь, как правило, изображается эксплицитно, он является очевидцем и участником событий. Инварианты организации и развития сюжета зависят от степени и способов рефлексии повествователя, его эмоциональной и морально-этической оценки изображаемых событий. В связи с обязательным наличием в антиутопии рефлексивной субъективности повествование (за редким исключением) ведется в монологической форме от лица героя-рассказчика. Эта форма может быть представлена письмами или дневниковыми записями героя (Л. Петрушевская «Новые Робинзоны», В. Гигевич «Карабель»).

Расширение границ художественной субъективности наблюдается в повестях А. Курчаткина «Записки экстремиста» и А. Кабакова «Невозвращенец». Герои названных произведений уже не просто фиксируют события, а принимают в них непосредственное участие, реализуются как активные субъекты и повествования, и действия. Герой повести В. Гигевича «Карабель» командир *Ёх* вершит моральный суд не только над системой, винтиком которой он оказался, но и прежде всего над самим собой. Рассказчик признается в предательстве самого себя, своих лучших человеческих чувств и порывов, которые он погубил, стремясь к мифической власти.

Следовательно, проблема сложных взаимоотношений человека и времени, человека и социальных обстоятельств, человека и государственной системы решается в антиутопии «изнутри» посредством введения диегетического нарратора. При этом, прослеживая эволюцию повести-антиутопии в последние десятилетия XX в., можно выявить расширение границ художественной субъективности нарратора: от констатации фактов до участия в изображаемых событиях и их морально-этической оценки.

Повесть-антиутопия во второй половине XX в. актуализирует образы героев, обеспечивающих сбой ритуализированной социальной системы. Это персонажи с визуализированной инаковостью, т. е. герои, имеющие физические или умственные отклонения, но наполненные духовно (сын Ключарева в повести В. Маканина «Лаз», мальчик-мутант в повести В. Рыбакова «Первый день спасения»). Такой тип героя представляет собой как бы перевернутое, зеркальное отражение псевдоупорядоченного бездуховного социума.

Характерная для антиутопии антиномия реального и альтернативного миров обусловила появление в ряде повестей образа *героя-медиатора*, взаимодействующего с противоположными полюсами художественной модели мира (Ключарев в повести В. Маканина «Лаз», Юрий Ильич в повести А. Кабакова «Невозвращенец»). Такой герой демонстрирует условность социальных и культурных оппозиций, полярности мира, подчеркивает объединяющее значение общечеловеческих ценностей.

Антиутопия становится основной аллегорической формой именно в русской литературе в связи с тем, что сама природа русской литературной аллегории социальна. В белорусской неклассической прозе, имеющей фольклорно-мифологическую основу, развитие получает так называемый параболический вектор.

Повесть-притча, апеллирующая к фольклорно-мифологическим традициям, возрождает **сказовый тип нарратора**.

Активная интерпретация в белорусской модернистской прозе сюжетной канвы евангельской притчи о блудном сыне определила появление галереи образов *бывших людей*. Однако их оторванность от социума имеет, скорее, экзистенциальные причины. Эти люди потерялись в настоящем времени, утратили связь с собой прежними, с памятью о прошлом.

Драма человеческого одиночества, намеренный (или вынужденный) разрыв с социумом приводит героев повести В. Быкова «Ваўчыная яма» в чернобыльскую зону, которая и становится их последним пристанищем. Автору мало лишить своих героев имен, подчеркнуть их асоциальное положение (дезертир и бомж), недостаточно даже поместить этих *бывших людей* в зону отчуждения. Герои повести оказываются в волчьей яме, капкане, из которого нет выхода. Экзистенциальный ужас одиночества и *бытия-к-смерти* пронизывает все произведение.

О путях, которые приводят человека на дно жизни, размышляет А. Козлов в повести «Распяце, альбо Ці ж баліць галава ў вароны». На примере своих героев автор показывает, что такими путями могут стать горе (оно ошеломило Казимировну, потерявшую двоих сыновей в Афганистане), тяга к спиртному (заставила Маньку продавать собственную дочь), наконец, нечто метафизическое, иррациональное (оно вторглось в жизнь главного героя Андрея и разрушило их любовь с Мариной, которой управляет дух ее покойного отца, лишает ее чувств и воли). Можно предположить, что проблемное поле повести связано с вопросом взаимодействия человека со своим прошлым, что проявляется, например, в полном подчинении и порабощении, не позволяющем полноценно жить в настоящем (как и произошло с Мариной), или же в поиске пути к духовному спасению через осознание значимости связи с предшествующими поколениями и укорененности в традиции. С последним вариантом связана эволюция образа Андрея, который получает от духа своей бабушки распятие и наставление не поддаваться искушениям современной действительности и не служить злу.

Обращение к библейской образности, духовной проблематике в повести-притче обуславливает и актуализацию в прозе (преимущественно русской) типа *героя-юродивого*. Юродство считается исключительно русским феноменом, не свойственным больше ни одной культурной традиции. Значение религиозного подвижничества юродство утратило давно, но фигурирует в русской литературе XIX–XX вв. преимущественно как культурологическая категория. В неклассической эстетике развивается тема не только христианского служения, но и прежде всего отречения от мирских забот, необходимости подчинения власти и социуму. Данная тема приобретает социальную заостренность и метафорическое значение.

В повести Б. Евсеева «Юрод» представлен истинный подвиг *юродства Христа ради*. При этом писатель усугубляет проблему социального зла, приходит к практически «чистой» формуле раскола мира на добро и зло. Только если воплощением зла в произведении выступают сумасшедшие (уроды), то противопоставлена ему исконно русская форма духовного спасения – юродство. Можем предположить, что такая антонимическая картина мира с образом юродивого в центре необходима для воплощения

несовместимых, противоречивых начал, свойственных русской душе. И только путь добровольного исхода из социума, самоотречения способен вернуть людей к их человеческой сущности.

Белорусскую метафорическую прозу роднит с русской антиутопической повестью образ *героя-медиатора* (например, Антон Климович из повести А. Боровского «Пякельны рай»). Природа иносказания в данном случае различна (мифологическая или социальная), но сохраняется атрибутика образа: наличие портала, связующего альтернативные миры, и изображение пути героя как инициации.

Заключение

Жанр повести позволил и русским, и белорусским писателям отразить события недавней истории и современности через частные судьбы «песчинок» этой самой истории. Русская и белорусская модернистская повесть второй половины XX в. обладает множественной вариативностью в изображении эксплицитного нарратора (чаще – диегетического), смене приемов внешней и внутренней фокализации. Через индивидуальное и видовое в отношениях человека с миром повесть позволяет проследить общие нравственно-этические установки и ценности социума на определенном этапе его развития.

Библиографические ссылки

1. Лейдерман НЛ, Липовецкий МН. *Современная русская литература: 1950–1990-е годы*. Москва: Издательский центр «Академия»; 2006.
2. Нефагина ГЛ. *Русская проза второй половины 80-х – начала 90-х годов XX века*. Минск: Экономпресс; 1997.
3. Корань ЛД. *Беларуская проза XX стагоддзя: дынаміка жанравых структур*. Мінск: ВПП «Новік»; 1996.
4. Максимовіч ВА. Беларускі мадэрнізм у славянскім кантэксте. *Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка. XIV Міжнародны з'езд славістаў (Охрыд, 2008). Доклады беларускай дэлегацыі*. Мінск: Права і эканоміка; 2008. с. 253–266.
5. Максимовіч ВА. Беларускі мадэрнізм і літаратура пачатку XX стагоддзя. *Беларуская мова і літаратура*. 2007;8:13–20.
6. Бельскі АІ. *Сучасная беларуская літаратура. Станаўленне і развіццё творчых індывідуальнасцей (80–90-я гг.)*. Мінск: Народная асвета; 1997.

References

1. Leyderman NL, Lipovetsky MN. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody* [Modern Russian literature: 1950–1990s]. Moscow: Publishing center «Akademiya»; 2006. Russian.
2. Nefagina GL. *Russkaya proza vtoroi poloviny 80-kh – nachala 90-kh godov XX veka* [Russian prose of the second half of the 80s – early 90s of the XX century]. Minsk: Ekonompress; 1997. Russian.
3. Koran LD. *Belaruskaja proza XX stagoddzja: dynamika zhanravyh struktur* [Belarusian prose of the twentieth century: dynamics of genre structures]. Minsk: VPP «Novik»; 1996. Belarusian.
4. Maximovich VA. [Belarusian modernism in the Slavic context]. In: *Movaznavstva. Litaraturaznavstva. Fal'klarystyka. XIV Mizhnarodny z'ezd slavistaw (Ohryd, 2008). Daklady belaruskaj djelegacyi* [Linguistics. Literary studies. Folklore Studies: XIV International Congress of Slavists (Ohrid, 2008). Reports of the Belarusian delegation]. Minsk: Prava i jekanomika; 2008. p. 253–266. Belarusian.
5. Maximovich VA. [Belarusian modernism and literature of the early XX century]. *Belaruskaja mova i litaratura* [Belarusian language and literature]. 2007;8:13–20. Belarusian.
6. Belsky AI. *Suchasnaja belaruskaja litaratura. Stanawlenne i razviccjo tvorchyh indyvidual' nascej (80–90-ja gg.)* [Modern Belarusian literature. Formation and development of creative individuals (80–90s)]. Minsk: Narodnaja asveta; 1997. Belarusian.

Статья поступила в редакцию 15.04.2018.
Received by editorial board 15.04.2018.